

нагайбаков к кряшенской общности и к сословию казаков. Эти факторы и повлияли на развитие культуры нагайбаков. К концу XIX века нагайбаки выделяются на фоне других групп кряшен в самостоятельную этническую общность — в этноконфессиональную сословную группу.

Отдаленность нагайбаков от исторически близкой им общности казанских кряшен, отрыв от них в течение почти четырех веков, иной социальный статус, казачий быт, более тесные контакты с другими народами (в первую очередь с русскими, казаками, башкирами) обусловили формирование специфических уникальных черт в их культуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бектеева Е. А. Нагайбаки. (Крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. СПб., 1902.
2. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897.
3. Глухов-Ногайбек М. С. Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Неформальный подход к еще ненаписанным страницам истории. Казань, 1993.
4. Матвеев С. Гадание на кольцах у крещеных татар. Уфимская и соседние губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XXIII, вып. 1–6, 1907.
5. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии: Соч. П. И. Рычкова 1762 г. Оренбург, 1887.
6. Стариков Ф. М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1884.

Е. В. ЛЕШУКОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА АТАМАНА АННЕНКОВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

На территории Западной Сибири «атаманщина» является одним из распространенных сюжетов отечественной историографии Гражданской войны. Это понятие, обозначающее произвол сибирских атаманов, появилось в исторических источниках еще в ходе вооруженного противостояния на Сибирских просторах политических сил большевизма и их противников. Так генерал Александр Павлович

Будберг в своем дневнике подчеркивал, что «атаманы и атаманища — это самые опасные подводные камни на нашем пути восстановления государственности», «эта язва съест и адмирала, и нас, сожрет всю белую идею» [3, с. 216]. Подобные «убийственные» характеристики являются результатом того, что официальная омская власть не могла справиться с самовластием сибирских атаманов. Так в исторической литературе достаточно подробно освещены разногласия провозглашенного Верховным правителем России адмирала Александра Васильевича Колчака и отказывавшегося признать его власть забайкальского атамана Григория Семенова.

На территории Западной Сибири таким символом казачьего самоуправления отечественная историография Гражданской войны прошедшего века прославила есаула Первого Сибирского казачьего имени Ермака Тимофеевича полка, генерал-майор Бориса Владимировича Анненкова, в Гражданскую войну командующего отдельной Семиреченской партизанской дивизией, а затем Семиреченской армией. Еще задолго до событий Гражданской войны фамилия Анненковых была достаточно хорошо известна в Сибири. Сюда за участие в выступлении против самодержавия в декабре 1825 г. был сослан поручик кавалергардского полка, член Северного тайного общества дворян Иван Александрович Анненков. Хотя точно не установлено, является ли атаман Борис Анненков прямым потомком декабриста.

Возвращение самого Бориса Анненкова в Сибирь зимой 1917–1918 гг. с «рухнувшего» германского фронта и его появление в Омске не осталось незамеченным. Ко времени прибытия отряда Анненкова в Омск здесь уже была установлена советская власть. Однако город был переполнен военными: только казачьих полков, прибывших с фронта и не разоружившихся, здесь было восемь. На всем пути следования отряда Анненкова из Петрограда на восток страны представители новой власти неоднократно пытались его разоружить. Безуспешные попытки были предприняты в Орше и Пензе [6, с. 53]. Не удалось это даже председателю Самарского ревкома Валериану Куйбышеву.

Вернувшись в Омск, анненковцы обратили на себя внимание рядом дерзких вылазок. Так под руководством своего атамана они похитили из Омского войскового собора главную святыню сибирских казаков знамя Ермака. Произвели нападение на городской арсенал, где испортили 17 пушек — всю омскую артиллерию. Благодаря нападению на

оружейный склад им удалось довооружиться, поскольку отряд все время пополнялся добровольцами. В результате часть Анненкова была признана в Омске самой боевой и самой непослушной. Не удивительно, что сохранившие боевой дух анненковцы в начале лета 1918 г. приняли активное участие в свержении советской власти в Омске.

Однако не дерзкое поведение и активное участие в свержении советской власти ставились в вину атаману советские авторы. Их главное внимание сосредоточилось на участии отряда Анненкова в подавлении вспыхнувшего в сентябре 1918 г. на Алтае Славгородского восстания.

В публикации «В царстве нагайки и виселицы», вышедшей в 1929 г., К. В. Дубровский так описывает происходившее: «в первый же день хозяйничания анненковцев в Славгороде было убито тридцать четыре человека, а во второй — четыреста семнадцать», «маленький городок Славгород в течение первых же двух-трех дней хозяйничанья в нем анненковцев был превращен в сплошное кладбище. Всюду трупы, стоны умирающих, плач осиротелых» [2, с. 23, 27]. Характеризуя роль самого атамана в подавлении этого восстания, советские авторы не скупались на яркие эпитеты. «Яркая по своему безобразию фигура», «зверь», «черный герой Гражданской войны, забросавший свой кровавый путь черепами и костями десятков тысяч трудящихся России», «кумир всей белогвардейской накиши» [4, с. 11, 15], — такую характеристику в 1927 г. дал Анненкову П. И. Павловский. С ним солидарен К. В. Дубровский, который отмечает: «Не гнушался и сам атаман расправляться собственноручно с “большевиками” (как он называл всякого несочувствующего белогвардейцам). Победоносно въехав в Славгород на автомобиле с надписью “С нами бог, смерть большевикам”, Анненков подкатил к зданию, где раньше временно помещался революционный штаб и где находились некоторые из руководителей движения — тт. Лаптев, Сорокин и другие, — оставшиеся в городе для поддержания порядка. Сидя в автомобиле, атаман потребовал вывести к нему “большевиков”. Выйдя к Анненкову, т. Лаптев сделал попытку объяснить с ним, но едва он открыл рот, как атаман собственноручно уложил его на месте выстрелом из револьвера. Остальных схватили анненковские казаки и, по приказанию атамана, изрубили» [2, с. 23–24].

Такой образ законченного военного преступника Б. В. Анненкова полностью соответствовал сложившейся в начале 1930-х гг. марксистско-ленинской концепции Гражданской войны, а потому на протяжении

всего советского периода переключивающегося из одной публикации в другую. При этом никто из авторов не обращал особого внимания на противоречие описаний некоторых «зверств» анненковцев простой житейской логике.

Так в публикации 1969 г. Вениамина Шалагинова «Конец атамана Анненкова» приводится рассказ крестьянки Ольги Алексеевны Коленковой, выступавшей в 1927 г. свидетелем обвинения на суде по делу Анненкова. «Белые, вот его молодчики, — указывает она на атамана, — убили у меня двух старших сынов. Одному было 22, другому — 15. А меня привязали за ногу к конскому хвосту. И погнали лошадь в сторону камышей. (В руках я малых детишек своих держала.) Всю спину до костей мне ободрали. Как я в памяти осталась — не знаю. Чую, остановилась лошадь и кто-то отвязал меня. Потом услышала: “Иди за нами”. Я поняла, повели кончать. Привели в камыши, я перекрестилась, легла от слабости. Если бы это было днем, может быть, и прикончили меня, но это была ночь, ничего не видно... У одного ребенка, у мальчика руку отрубили, так он и умер потом в больнице. — Сколько ему было лет? — спрашивает председательствующий. — Два годика, а второму четыре. Второму перебили спинку. Сейчас он горбатый» [5, с. 15]. Этот рассказ, рисующий картину страшной расправы с безоружными людьми, в том числе несовершеннолетними детьми, может заставить содрогнуться даже современного читателя. Тем не менее, после его прочтения возникает ряд вопросов, вызывающих сомнения в правоте слов крестьянки. Почему в глазах противников советской власти степень вины детей двух- и четырех лет больше, чем их матери? Почему погибли дети, а их мать осталась жива?

Подобный алогизм фактографического материала, отсутствие возможности его перепроверить в сочетании с пафосностью повествования способствовали в советской историографии мифологизации Гражданской войны и рождению мифов об ее участниках. Защитникам советской власти, сибирским большевикам, приписывались передовые идеи и высокая мораль. Тогда как их политических противников советские авторы не щадили. Как видим, один из них, атаман Анненков предстает исключительно в образе насильника и убийцы «весьма ограниченных умственных способностей» [1, с. 4].

На рубеже 1980–1990-х гг. отношение к Белому движению в исторической науке стало меняться. Активизировалось изучение биографий

А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, А. В. Колчака, В. О. Каппеля, П. Н. Краснова, Е. К. Миллера и других противников советской власти. Личность есаула Сибирского казачьего полка Бориса Владимировича Анненкова также вызвала интерес у отечественных исследователей. Изучению его биографии посвящена монография Вадима Алексеевича Гольцева «Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова», вышедшая впервые в 2006 г.

На обширном историческом материале с привлечением документальных источников из архивохранилищ Алтайского края, Алматинской области, Центрального государственного архива республики Казахстан и периодической печати автор проанализировал всю довоенную, военную и послевоенную деятельность атамана. И пришел к выводу, что атаман Борис Анненков, действительно, имел внутреннюю склонность к партизанщине и ватажничеству, был способен принимать «неординарные решения». Однако эта не означает, что он был тем бесчеловечным бандитом, законченным негодяем и образцом бездарности, каким представлен в работах К. В. Дубровского, П. И. Павловского, П. С. Парфенова, В. К. Шалагинова и др.

Жестокое подавление сибирской военщиной народного восстания в городе Славгород и деревне Черный Дол, действительно имело место. Однако на основании сравнительного анализа широко круга источников, В. А. Гольцев приходит к выводу, что атаман Б. В. Анненков не имеет к этим трагическим событиям никакого отношения. Его отряд прибыл в Славгород через два дня после подавления восстания отрядом полковника Зеленцова. Зеленцовцы, представлявшие в своем большинстве «не спаянную ни дисциплиной, ни традициями», дремучую крестьянскую массу, «недавно наряженную в солдатскую форму и пораженную партизанщиной, неповиновением», склонную «к разбоям, грабёжам, насилию» [1, с. 93] вступили в отряд Анненкова. Таким образом, творимые ими «безобразия» через несколько лет были «приписаны» большинством авторов, не разбиравшихся во всех тонкостях межличностных отношений в период Гражданской войны, анненковцам.

На основании скрупулезного источниковедческого анализа, тщательного сопоставления фактов из советских историографических источников, периодической печати и документальных источников, В. А. Гольцев демонстрирует взаимопроникновение политического и личного мотивов, их переплетение в действиях человека. На примере героя сво-

его исследования, атамана Анненкова, автор раскрывает всю сложность поведения человека в военной обстановке, убеждая в том, что интерпретация фактов военно-политического противоборства в период Гражданской войны и оценка на их основе личности человека невозможны с позиций только политизированного подхода. Ориентируясь на психологические стереотипы человеческого поведения в повседневных жизненных ситуациях, исследователь отмечает: «У анненковцев просто не было причин для насилия: они не мерзли ночами в кулундинских степях, не терпели днем жажды, не понесли потерь, у них не было чувства озлобленности за то, что они, военные люди, топтались около какого-то мелкого селения, обороняемого неотесанным в боях мужичьем. А у зеленцовцев все это было, и они сполна могли выместить на побежденных всю накопившуюся на них злобу и в порыве безумной ярости спалить то, что осталось от села после штурмов» [1, с. 84].

Как видим, не отрицая жестокости расправ при подавлении восстания, В. А. Гольцев объясняет ее не столько классово-политической принадлежностью участников Гражданской войны, сколько изменениями, происходящими под влиянием стрессовых факторов в самом человеке: его физическом состоянии, его настроении, его нравственности, его мироощущении и т. д. Сделанный с таких исследовательских позиций вывод В.А. Гольцева о непричастности атамана Бориса Владимировича Анненкова к подавлению народных восстаний, «грабегам и насилиям» в селе Черный Дол и городе Славгороде осенью 1918 г. и в целом к «белому» террору на территории Западной Сибири, можно считать одним из сенсационных в современной исторической науке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гольцев В. А. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009. 480 с.
2. Дубровский К. В. В царстве нагайки и виселицы. Сибирская контрреволюция 1918–1919 годов. М.; Л., 1929. 128 с.
3. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М., 2005. 496 с.
4. Павловский П. И. Анненковщина. По материалам судебного процесса в Семипалатинске. М.; Л., 1928. 98 с.
5. Шалагинов В. К. Конец атамана Анненкова. Новосибирск, 1969. 64 с.
6. Шудряков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. Кн. 1. М., 2004. 748 с.